

Ю. Н. Кежа

Конфликты между полоцкими и киевскими князьями и способы их разрешения (980 — 1129/30)

При анализе древнерусских летописных нарративов XI—XII вв. обращают на себя внимание довольно частые конфликты и в целом враждебное отношение между полоцкими князьями и правителями династии Рюриковичей. В статье рассматриваются основные эпизоды данного противостояния: конфликт между полоцким князем Рогволодом (его дочерью Рогнедой) и Владимиром Святославичем; конфликт между Брячиславом Изяславичем и киевским князем Ярославом Владимировичем; войны между Всеславом Полоцким и сыновьями Ярослава; конфликт между менским князем Глебом Всеславичем и киевским князем Владимиром Мономахом; военные походы Мстислава Владимировича на Полоцкое княжество.

Анализируя летописные сюжеты о конфликтах между представителями полоцкой династии Рогволодовичей и киевскими князьями Рюриковичами, можно проследить определённую модальность политического поведения древнерусских князей, а также способы управления и разрешения межкняжеских противоречий.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, полоцкие князья, княжеские конфликты.

В изучении восточноевропейского средневековья в последние десятилетия происходят значительные изменения, связанные с применением нового научного инструментария и активным развитием новых направлений. В ряде современных научных течений разрабатываются новые принципы, которые предполагают существенное обновление методологических подходов к анализу феномена средневековой власти. Несмотря на всё более возрастающее внимание к социокультурным аспектам [1, с. 14—15], в исследованиях Восточной Европы X—XIII вв. малоизученной остается проблема, посвящённая способам, формам и ожидаемым результатам политической коммуникации между князьями Рюриковичами.

В домонгольской Руси (X—XIII вв.), как и в западноевропейском средневековье IX—XIII вв., отсутствовали систематические своды правовых норм, которые могли определять правила поведения между правителями. Политическая коммуникация и производные от неё различные властные

стратегии выражались, главным образом, через ритуализированное поведение, включавшее в себя как вербальные, так и невербальные способы коммуникации. Согласно немецкому медиевисту Г. Альтхофу, эти формы поведения, или поведенческие стереотипы (*Spielregeln*), создавали систему норм, которые и регулировали отношения внутри средневекового общества [2].

Термин *Spielregeln*, используемый Г. Альтхофом, служит для обозначения средневековых общественных правил, которые не были зафиксированы в письменной форме и носили имплицитный характер. Данные правила существенно отличались от письменных законов, определяющих чётко сформулированные постановления и запреты [3, с. 28—46]. Применение методологического подхода, основанного на выявлении определённых форм поведенческих стереотипов, на наш взгляд, может быть использовано при изучении древнерусской политической истории X—XII вв., в частности, определению причин, условий протекания и способов разрешения конфликтов между полоцкими и киевскими князьями.

Анализируя летописные сюжеты о конфликтах между представителями полоцкой династии Рогволодовичей и киевскими князьями Рюриковичами, можно проследить определённую модальность политического поведения древнерусских князей, а также способы управления и разрешения межкняжеских противоречий. Выявить это можно с помощью выделения повторяющихся форм поведения, которые постоянно встречаются в летописных материалах при описании рассказов о различного рода конфликтах и их урегулировании, договорных отношениях и заключениях политических союзов [4, с. 77].

Анализируя древнерусские нарративы XI—XII вв., обращают на себя внимание довольно частые конфликты и в целом враждебное отношение между полоцкими князьями и правителями династии Рюриковичей. В статье рассматриваются основные эпизоды данного противостояния: конфликт между полоцким князем Рогволодом (его дочерью Рогнедой) и Владимиром Святославичем; конфликт между Брячиславом Изяславичем и киевским князем Ярославом Владимировичем; войны между Всеславом Полоцким и сыновьями Ярослава; конфликт между менским князем Глебом Всеславичем и киевским князем Владимиром Мономахом; военные походы Мстислава Владимировича на Полоцкое княжество.

Конфликт между Рогволодом (Рогнедой) и Владимиром Святославичем. Первый конфликт между полоцким и киевским правящими домами произошёл в последней четверти X в. Согласно сообщению Повести временных лет (далее — ПВЛ), причина летописного конфликта — отклонение полоцкой стороной (Рогволодом и Рогнедой) брачного и, соответственно,

политического союза с Владимиром. Отказ был выражен в форме словесного оскорбления, указывающего на низкое происхождение Владимира («не хочю розути робичича, но Ярополка хочю»), что подразумевало его несоответствие княжескому статусу с точки зрения полоцкой стороны. Развитие конфликта проявилось в военном походе Владимира на Полоцк, убийстве Рогволода и двух его сыновей. Символическим проявлением ответной реакции Владимира на оскорбление стало насилие над Рогнедой и её публичное унижение. Конфликт закончился покорением Полоцка и его включением в сферу власти Владимира Святославича. Рогнеда становится одной из жён Владимира [5, стб. 75].

Особенностью данного противостояния и его отличие от последующих конфликтов между полоцкими и киевскими князьями является целенаправленное умерщвление правителя для достижения своих политических целей. Это объясняется процессом установления монопольной власти Рюриковичей на землях Восточной Европы, который был невозможен без физического устранения местных князей, которые могли активно противостоять распространению власти киевского княжеского дома. После принятия Рюриковичами христианства данная практика практически исчезает. К XI в. в Древней Руси правит единственный род Рюриковичей, все князья связаны между собой родственными отношениями. С этого периода в древнерусских нарративах обосновывается недопустимость убийства внутри княжеского рода [6, с. 95—96]. Большую роль в данных представлениях сыграло принятие Русью христианства и распространение культа святых Бориса и Глеба [7, с. 38—39; 8, с. 52—53].

В конце X в. происходит конфликт между Рогнедой и Владимиром. Информация об этом представлена в Лаврентьевской летописи под 1128 г.: «...и роди Изяслава поа же паки ины жены многы и нача еи негодовати нѣколи же ему пришедшу к неи и оуснувшю хотѣ и зарѣзати ножемъ и ключиса юму оубудитиса и на ю за руку вна же ре^ч сжалиласи бахъ зане вѣа моего уби и землю юго полони мене дѣла и се нынѣ не любиши мене и съ младенце^м симь...» [5, стб. 300]. Основной причиной конфликта, согласно тексту летописи, являлась месть Рогнеды за убитого Владимиром Рогволода и разорение Полоцкой земли («зане вѣа моего уби и землю юго полони мене дѣла»). Посредником в разрешении конфликта стал Изяслав — сын Владимира и Рогнеды, который, согласно летописной легенде, предотвратил убийство своей матери. Разрешение конфликта было реализовано в наделении Изяслава и Рогнеды отдельной вотчиной — городом Изяславлем: «...и повелѣ сю оустроитиса во всю тварь цѣрскую якоже в днѣ посага ея и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ да пришедъ потнеть ю вна же тако створи и давши же мечъ сынови своему Изяславу

в руку нагъ и ре^чако внидеть ти вѣ рци выступи вѣ ѹда ѹдинъ мнишиса хода Володимеръ же ре^ч а хто та мнѣль сдѣ и повергъ мечь свои и созва болары и повѣда и^м вни же рекоша оуже не оубии еѹ дѣтати дѣла сего но въздвѣгни втчину еѹ и даи еи с сыно^м своимъ Володимеръ же оустрой городъ и да има и наре^ч има городу тому Изаславль и вѣтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославли^м внуко^м» [5, стб. 300].

Летописная легенда о Владимире и Рогнеде при её вымышленном характере, по всей видимости, является отражением гораздо более поздних представлений, связанных с конфликтом 1127/28—1129/30 гг. между полоцкими князьями Всеславичами и киевским князем Мстиславом Владимировичем. Для обоснования похода Мстислава на Полоцкую землю (1127/28 и 1129/30 гг.) и высылку полоцких князей в Византию (1129/30 гг.), автор летописного сообщения оправдывал данные действия более чем вековой враждой между полоцкими князьями («Роговоложими внуками») и наследниками Владимира («и вѣтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославли^м внуко^м») [9, с. 107—111].

Конфликт между Брячиславом Изяславичем и Ярославом Владимировичем. Короткое противостояние между полоцким князем Брячиславом Изяславичем и киевским князем Ярославом Владимировичем произошло в 1021 г. и нашло своё отражение в ПВЛ, Воскресенской летописи, а также скандинавской «Пряди об Эймунде Хрингссоне». Причиной конфликта стало разорение Брячиславом Новгорода, который находился в сфере влияния киевского князя Ярослава Владимировича. Развитие конфронтации продолжилось в ответном походе Ярослава во владения полоцкого князя, кульминацией чего стала битва на реке Судомире. Результатом битвы стало поражение Брячислава и его отступление в Полоцк [5, стб. 146]. На этом в ПВЛ заканчивается сообщение о конфликте князей.

Дальнейшее разрешение конфликта отражено в Воскресенской летописи (XVI в.), а также исландской «Пряди об Эймунде Хрингссоне» (конец XIII в.). Согласно Воскресенской летописи, между Брячиславом и Ярославом был заключён союз, предусматривающий их совместные военные действия. Закреплением договора между князьями было присоединение к владениям Брячислава городов Витебска и Усвят: «И оттоле призва к себе Брячислава, и давъ ему два города Восвьячъ и Видбеск, и рече ему: «буди же со мною заодинъ». И воеваша Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего» [10, с. 328].

В соответствии с информацией исландской «Пряди об Эймунде», активную роль участника, а затем и посредника, в конфликте сыграл скандинавский наёмник Эймунд Хрингссон, который находился в лагере Брячислава. В ходе конфликта между князьями, Эймунд вместе со своим

побратимом Рагнармом похищают жену Ярослава, княгиню Ингигерд, после чего Ярослав идёт на переговоры с Брячиславом. Итогом соглашения с полоцким князем, согласно «Пряди», стало новое распределение власти на Руси. Ярослав отдаёт Киев Брячиславу, оставив за собой Новгород. Эймунд же получил во владения Полоцк [11, с. 133—138]. Данную информацию о перераспределении власти в древнерусских городах следует признать неправдоподобной. Из древнерусских летописей неизвестно о княжении Брячислава в Киеве и Эймунда в Полоцке. Помимо этого, ряд признаков указывает на позднее происхождение «Пряди» (конец XIII в.) [12, с. 106]. Тем не менее, участие скандинавского наёмника Эймунда в распре князей исследователями не оспаривается [13, с. 289—295].

Если согласиться с основной канвой повествования «Пряди», Эймунд вместе с женой Ярослава Ингигерд, проявляют посредничество между Брячиславом и Ярославом. Само соглашение и мир между князьями провозглашает Ингигерд: «Было объявлено от имени Вартилава (Брячислава Изяславича — Ю.К.) конунга, что княгиня будет устраивать мир. Она сказала Ярицлейву (Ярославу Владимировичу — Ю.К.) что он будет держать лучшую часть Гардарики (Руси — Ю.К.) — это Хольмгард (Новгород — Ю.К.), а Вартилав — Кэнунгард (Киев — Ю.К.), другое лучшее княжество с данями и поборами; это — наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Палтескью и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд и будет над нею конунгом...» [11, с. 136—137].

В последние несколько десятилетий историки-медиевисты обращали внимание на важную роль посредников для мирного урегулирования конфликтов в Средневековой Европе. Многочисленные случаи, когда посредники пытались предотвратить или урегулировать насильственные конфликты, позволяют признать, что их деятельность направлялась и защищалась представлениями о правилах, которые имели высокую степень признания в обществе [14, р. 5]. Роль посредников в данном конфликте отчётливо просматривается в действиях Эймунда и Ингигерд. Исходя из анализа данного противостояния, подтверждается закономерность, характерная для многочисленных конфликтов Средневековой Европы: те люди, которые имели равные отношения с обеими сторонами конфликта, были особенно хорошо подготовлены к действиям в качестве посредников [14, р. 6]. Возможно, в «Пряди» значительно преувеличена роль Эймунда и Ингигерд в политической жизни Руси. Однако в данном случае имеет значение не столько реальное отражение исторических событий, сколько представления о процедуре разрешения конфликта, где посредники обладают статусом ничуть не ниже, чем представители конфликтующих сторон.

Вместе с историей о Рогнеде, Изяславе и Владимире, договор между Брячиславом и Ярославом — единственные случаи мирного исхода конфликтов между представителями полоцкого княжеского дома и киевскими князьями.

Конфликт между Всеславом и Ярославичами. В противостоянии между Рюриковичами и Рогволодовичами самой продолжительной конфронтацией были войны между полоцким князем Всеславом Брячиславичем и представителями двух поколений Ярославичей: Изяслава, Святослава, Всеволода (период конфликта — 1066/67—1071) и Владимира Всеволодовича Мономаха (1078 и 1084). Согласно ПВЛ, фиксируются 9 отдельных эпизодов данного противостояния.

Непосредственным началом конфликта стал военный поход Всеслава на Новгород (1066/67), разграбление города и его главного храма — собора св. Софии. Ответной реакцией последовал совместный поход Изяслава, Святослава и Всеволода на Менск, который находился в сфере влияния полоцкого князя. После разграбления города, 3 марта 1067 г., войска Ярославичей и Всеслава сошлись в битве на реке Немиге, которая закончилась поражением полоцкого князя. В июле 1067 г. Всеслав с двумя сыновьями был приглашён на переговоры. Гарантией безопасности было крестное целование со стороны Ярославичей — в XI—XII вв. одна из самых распространённых клятвенных практик среди князей Рюриковичей [15, с. 86—113]. Обещание было нарушено, и Всеслав вместе сыновьями был пленён и заключён в Киеве [5, стб. 166—167].

До пленения Всеслава конфликт протекал по сценарию противостояния 1021 г. между Ярославом и Брячиславом: 1) поход полоцкого князя на Новгород; 2) ответный поход киевского князя; 3) битва между полоцким и киевским князем; 4) переговоры и заключение мира. В конфликте 1021 г., а также в противостоянии 1067 г., до пленения Всеслава, можно наблюдать практику использования негласных норм для разрешения конфликта, которые широко применялись в период Высокого Средневековья и включали в себя т. н. «правила игры» (*Spielregeln* согласно Г. Альтхоффу) [14, р. 7]. Один из контрагентов конфликта — Всеслав Брячиславич — доверяет соблюдению негласной процедуры (клятве крестоцелования), активно практикуемой в межкняжеских отношениях. По всей видимости, Всеслав опирался на нормы поведения, которые претендовали на законность для подобных собраний: тот, кто приглашал к мирным переговорам, должен был принять на себя обязательство мира, а также соблюдение безопасности контрагента. Сама процедура крестоцелования между князьями, согласно древнерусским представлениям, являлась гарантией ответственности князя не только перед Богом

и своим оппонентом, но и перед общепринятым законом и подвластным населением [16, с. 78—79].

В конфликте между Всеславом и Ярославичами правила межкняжеских отношений были нарушены. Данное обстоятельство привело к осуждению летописцем главного виновника клятвопреступления — Изяслава Ярославича. Нарушение клятвы, согласно автору ПВЛ, вызвало Божий гнев и нашествие половцев на земли Руси [5, стб. 172]. В 1068 г. Изяслав был изгнан из Киева горожанами, а Всеслав освобождён из заключения и провозглашён киевским князем. В соответствии с ПВЛ случилось это в день Крестовоздвиженья (15 сентября), что символизировало восстановление божественной справедливости — наказание клятвопреступника (бежавшего Изяслава) и освобождение поверившего в клятву Всеслава [17, с. 70—71; 18, с. 9—10; 15, с. 88—93].

В 1069 г. Изяслав вместе со своим тестем, польским королём Болеславом, выступает военным походом на Киев. Всеслав уклоняется от битвы и, покинув войско киевлян, возвращается в Полоцк. Таким образом, полоцкий князь, как один из главных участников конфликта, избегает противостояния и основными конфликтующими сторонами остаются Изяслав Ярославич, с одной стороны, и сообщество киевлян, которое поддерживало Всеслава, с другой [5, стб. 172].

Для мирного урегулирования противостояния в данном случае активную роль играет посредник, в качестве которого выступает брат Изяслава Святослав Ярославич. Многочисленные случаи, когда посредники пытались предотвратить или урегулировать насильственные конфликты в Средние века, позволяют признать, что их деятельность направлялась и защищалась представлениями о правилах, которые имели высокую степень признания в обществе [14, р. 35].

Обращая внимание на участие в походе польского войска, Святослав предостерегает Изяслава от разорения Киева, апеллируя к тому, что город их отца Ярослава — общее наследство для всех представителей династии: «а не воді Лаховъ Кыеву противна бо ти нѣту аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити гра^а то вѣси нако нама жаль вѣна стола» [5, стб. 174]. В XI—XII вв. при многочисленных конфликтах между Рюриковичами довольно часто из уст князей будет звучать аргумент, что объект противостояния — Киев и Русская земля — это общая «отчина» для всей династии. Особенно актуально это проявляется в периоды межкняжеских конфликтов, когда одна из сторон приглашала зарубежные силы в качестве военной помощи.

В ходе переговоров Изяслав оставляет основной контингент польского войска, однако посылает своего сына Мстислава в Киев для карательных

целей. Согласно сообщению летописи, отрядом Мстислава было убито 70 киевлян — горожане, которые освободили Всеслава и посадили его на киевское княжение в 1068 г. Помимо этого, значительная часть киевлян подверглась ослеплению [5, стб. 174].

Убийству и наказанию подверглись люди, которые выступали на стороне Всеслава, остальное население Киева, по всей видимости, не было репрессировано. Основная часть горожан выходит навстречу Изяславу «с поклоном^м» и получает прощение от князя: «и приаша князь свои Кычане и съде Изаславъ на столѣ своємъ мѣца маа въ ѿ днѣ» [5, стб. 174]. Описание встречи Изяслава киевлянами в 1069 г. существенно отличается от описаний церемонии въезда князя в город и занятия им княжеского стола. Обычно встречи князя за пределами города описываются как торжественные события, которые сопровождаются прославлением князя [19, стб. 327]. В сообщении о встрече Изяслава Ярославича жителями Киева говорится, скорее, об их «покаянии» перед князем («изидоша людье противу с поклоном^м и приаша князь свои Кычане»). Массовое покаяние мятежных горожан перед своим правителем, как один из сценариев завершения конфликта, находит примеры в истории Средневековой Европы [20, с. 28].

Завершением очередного этапа конфликта между Всеславом и Ярославичами стало изгнание Всеслава из Полоцка и посажение вместо него Мстислава Изяславича [5, стб. 174]. Таким образом, в 1069 г. противостояние между Всеславом Брячиславичем и Изяславом Ярославичем трансформировалось в конфликт между Изяславом и киевлянами, поддержавшими Всеслава. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в отличие от Всеслава, к которому при его пленении в 1067 г. не были применены телесные формы наказания, в 1069 г. к киевлянам, выступавшим на стороне полоцкого князя, была применена смертная казнь и ослепление.

О продолжении конфликта после изгнания Всеслава из Полоцка сообщается в Новгородской первой летописи. 23 октября 1069 г. Всеслав нападает на Новгород, где в тот период княжил сын Святослава Ярославича Глеб. По сообщению Новгородской первой летописи, в битве при реке Гзени Всеслав, вместе с возглавляемым им войском фино-угорского племени воль, потерпел сокрушительное поражение: «Въ то же лѣто, осень, мѣсяца октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятници, въ час б дни, опять приде Все[славъ] къ Новугороду; новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звѣринца на Къземли; и пособи богъ Глѣбу князю съ новгородци. О , велика бяше сѣця Вожняномъ, и паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустиша бога дѣля. А на заутрие обрѣтесе крѣст честный Володимиръ у святѣй Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре» [21, с. 17].

При явном поражении и пленении Всеслава, полоцкий князь был отпущен «бога дѣля». Данное обстоятельство может быть обусловлено тем, что новгородский князь Глеб Святославич придерживался установленного для своего времени «кодекса поведения» [22, с. 46]. Новгородцам было известно о нарушении клятвы Ярославичами и несправедливом пленении полоцкого князя. При очевидном негативном отношении к Всеславу новгородцев, Глеб Святославич мог считать его жертвой клятвопреступления. Нарушение сакральности заключённой клятвы предусматривало преступление против самого Бога. Поэтому разрешение данного конфликта мирным путём (предоставление Всеславу свободы) можно рассматривать как соблюдение определённых правил игры в политике («Spielregeln der Politik»), которые не зафиксированы документально, однако их существование можно обнаружить в летописных нарративах [23, s. 35].

Конфликт между Глебом Всеславичем и Владимиром Мономахом. Началом конфликта между менским князем Глебом Всеславичем и киевским правителем Владимиром Всеволодовичем Мономахом послужило нападение Глеба на территорию, подконтрольную киевскому князю: в результате похода 1116 г. Глеб захватил земли дреговичей и разорил Слуцк. Ответным действием Владимира Мономаха стала организация коалиционного похода на Менское княжество. В походе принимали участие сыновья Мономаха Вячеслав и Ярополк, черниговский князь Давыд Святославич, а также князья Ольговичи. Глеб Всеславич был осаждён Мономахом в Менске. Не выдержав осады, Глеб вышел из города и согласился на условия мира, предложенные Владимиром [19, стб. 283]. Согласно заключённому соглашению, Глеб попадал в зависимость от киевского князя («и молвиша рѣчи о мирѣ и общася Глѣбъ по всему послушати Володимера»). В обмен на это ему был возвращён Менск. Спустя три года Глеб нарушает соглашение с Мономахом, вновь совершив нападение на владения киевского князя [24, с. 178]. Ответной реакцией стал очередной поход Мономаха на Менск, пленение Глеба Всеславича и заточение его в Киеве, где он умер в том же 1119 г. [19, стб. 285].

Нападение Глеба на владения Мономаха, а также описанное в летописи отсутствие раскаяния и словесное оскорбление киевского князя («и не каашеться о семь . ни покарашеться . но болѣ противу Володимеру глѣше оукараа и .») стало непосредственной причиной военных действий со стороны Владимира — киевский князь организывает большой поход на Менское княжество. Символическими действиями Владимира перед началом похода является обращение к «Божьей правде» («Володимеръ же надѣяся на Бѣ и на правду поиде къ Смоленску»), что было призвано продемонстрировать справедливость военной кампании, заключающейся

в «усмирении» менского князя и подчинении его своему влиянию. Заключительной частью конфликта 1116 г. стала капитуляция Глеба, его публичное раскаяние и признание зависимости от Мономаха.

Во время переговоров Владимир вновь апеллирует к высшим силам, ссылаясь на запрет пролития христианской крови в дни Великого поста, и соглашается на мир с Глебом («Володимеръ же съжали си тѣмъ оже проливашеться кровь въ днѣ постыныа великого поста и вдасть ему миръ»). Затем происходит процедура, напоминающая известный средневековый ритуал покаяния побеждённого перед своим сюзереном, известная как *deditio* [2, s. 99—125; 25, p. 1—19; 26, s. 297—325].

При средневековых конфликтах между верховным правителем (королём или императором) и подчинёнными вассалами (герцогами и графами) примирение было возможно в случае прощения сюзереном побеждённого мятежника. Данный ритуал включал в себя набор следующих символических элементов: провинившийся вассал являлся перед государем, публично признавал свою вину и коленопреклонно молил сюзерена о прощении. Проходя через публичный ритуал покаяния и подчинения, побеждённой стороне конфликта, как правило, возвращались прежние владения [2, s. 113]. Таким образом, ритуал *deditio* способствовал восстановлению мира посредством отказа от насилия и наказания. Тому, кто испытывал снисхождение государя, не разрешалось вновь восставать против своего сюзерена. После нарушения соглашения побеждённой стороной, правила восстановления прежнего порядка уже не предусматривались. Если восстание всё же осуществлялось, восставшего ждало более суровое наказание, вплоть до физического уничтожения [2, s. 114].

Согласно сообщению Ипатьевской летописи, по итогам конфликта 1116 г. Глеб Всеславич вместе со своей семьёй и ближайшим окружением выходит за стены осаждённого города, совершает преклонение перед Владимиром, просит его о мире и клянётся в верности: «Глѣбъ же вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною поклониса Володимеру и молвиша рѣчи о мирѣ и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера» [19, стб. 283]. Владимир прощает Глеба и возвращает ему Менск — родовое владение Глеба Всеславича: «Володимеръ же омирѣвъ Глѣба и наказавъ его о всемъ вдасть ему Менескъ а самъ възратиса Киеву» [19, стб. 283]. Очевидно, что договор между князьями предусматривал подчинение Глеба киевскому князю. Только при этом условии он сохранял власть над Менским княжеством.

Нарушив данное условие, Глеб спровоцировал очередной поход Владимира Мономаха на Менск, в результате которого менский князь лишился власти, свободы и, вероятно, жизни. Таким образом, в случае конфликта

Глеба Всеславича с Владимиром Мономахом (1116—1119) можно наблюдать проявление ритуала покаяния (*deditio*), а также его нарушение и последующее применение наказания к стороне, нарушившей соглашение.

При этом следует учитывать, что ритуал *deditio* следует рассматривать с учётом древнерусских реалий. Разрешение конфликта между Глебом и Владимиром Мономахом по своему церемониалу в деталях далеко не во всём повторяет процедуру покаяния западноевропейских правителей X—XIII вв. Тем не менее мы можем наблюдать типологически похожие ритуализированные действия, приводящие к мирному разрешению конфликта, а также увидеть похожее применение наказания для нарушившего соглашение князя.

Конфликт между Всеславичами и Мстиславом Владимировичем. В 1127/28 гг. состоялся грандиозный коалиционный поход на Полоцкую землю, организованный киевским князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха [27, с. 43—44]. Коалицией князей были захвачены города Изяславль и Логойск, в южной части Полоцкой земли. Полочане, чтобы избежать разорения главного города земли, пошли на политический компромисс со Мстиславом: лишили полоцкого княжения Давыда Всеславича, а вместо него на полоцкий стол посадили Рогволода Борисовича [5, стб. 298—299; 19, стб. 292—293].

Точные причины военного вторжения южнорусских князей неизвестны. М. В. Довнар-Запольский связывал кампанию 1127/28 с отказом Давыда Всеславича от участия в общерусском деле — походе на половцев [28, с. 93]. Советские историки Б. А. Рыбаков и Л. В. Алексеев основной причиной похода считали неповиновение полоцких князей Мстиславу Владимировичу [29, с. 520; 30, с. 258—261]. А. В. Рукавишников предложил гипотезу о борьбе между полоцкими князьями Всеславичами и южнорусскими Ярославичами за право обладания Полоцкой землёй: «Высшей точкой борьбы была попытка Мстислава Владимировича лишить Изяславичей прав на Полоцкую землю не только путём их высылки в Византию, но и путём внесения изменений в историческую память рода — полоцкие князья были объявлены Рогволодовичами, квази-Рюриковичами, кровными врагами Ярославичей» [9, с. 111]. Исследователь справедливо отвергает отказ полоцких князей от похода на половцев как непосредственную причину конфликта — Полоцк, расположенный на северо-западе Руси, слишком далеко находился от степных границ Русской земли [9, с. 107].

Вместе с тем, вывод о борьбе за право обладания Мстиславом Полоцкой землёй не является убедительным. Если исходить из стремления Мстислава подчинить своей власти всё Полоцкое княжество, включив его в орбиту власти Мономашичей, остаётся непонятной причина, по которой киевский князь пошёл на компромисс с полочанами в 1127/28 гг.,

ограничив поход разорением южных районов Полоцкой земли. Можно предположить, что причиной похода стала прочерниговская ориентация полоцкого князя Давыда Всеславича.

В южнорусской политике конца XI—XII вв. Ольговичи были главными противниками Мономашичей. К последним относился киевский князь Мстислав Владимирович. В результате полочане, чтобы избежать разорения Полоцкой земли и самого Полоцка, пожертвовали своим про-Черниговским князем и заменили его на «про-мономаховского» Рогволода. Прежде чем возвести Рогволода на полоцкий стол, полочане «утверждают его кандидатуру» у Мстислава: «идоша къ Мстиславу просаще и собѣ князе^м и створи волю ихъ Мстиславъ» [5, стб. 299]. После одобрения киевским князем кандидатуры Рогволода, полочане вместе с последним возвращаются в Полоцк, где и происходит его окончательное утверждение в качестве полоцкого князя: «и поимше Роговолода ведоша и Полотьску» [5, стб. 299; 19, стб. 293]. Таким образом, причиной военных кампаний Мстислава 1127/28 гг., по всей видимости, был выход полоцкого князя Давыда Всеславича из-под политического подчинения Мстислава и его ориентация на черниговских Ольговичей.

В 1129/30 гг. Мстислав отправил в Полоцкую землю очередной военный поход [27, с. 133—134]. Полочане лишили Рогволода власти, очевидно, опасаясь за безопасность города. Полоцких князей привезли в Киев, после чего Мстислав направил их в Византию к императору Иоанну Комнину [5, стб. 301; 19, стб. 293]. Более подробное сообщение о причинах похода Мстислава на Полоцкое княжество представлено в Ипатьевской летописи под 1140 г.

Причиной конфликта, согласно Ипатьевской летописи, стал отказ полоцких князей от участия в совместном с Мстиславом походе на половцев. В сообщении указывается, что полоцкие князья вышли из подчинения Мстислава: «зане не бахоуть его воли и не слышахоуть его коли е зовашеть в Роускою землю в помощь но паче молвахоу Бонажови шелоудивомоу во здоровье» [19, стб. 303]. Ипатьевская летопись под 1130 г. сообщает о нарушении полоцкими князьями клятвы крестоцелования: «оу се же лѣто поточи Мъстиславъ Полотьский кнѣзь съ женами и с дѣтми въ Грѣкы еже преступиша хрестъное челование» [19, стб. 293].

Представляется очевидным, что после конфликта 1127/28 гг. между полоцким князем Рогволодом и полочанами, с одной стороны, и Мстиславом — с другой, был заключён некий договор, оформленный в виде крестоцелования — стандартного договорного ритуала домонгольской Руси. Условиями договора было подчинение полоцких князей (или непосредственно Рогволода Борисовича) политической воле Мстислава. Нахождение полоцких князей в зависимости от Мстислава отражена в летописном

термине «неслоухание», которое летописец применяет к Всеславичам в статье Ипатьевской летописи за 1140 г.: «и поману первѣи посла по Кривитьстѣи кнѣзѣ по Дѣда по Ростислава и Стѣслава и Рогѣволодича два и оусажа оу три лодѣи и поточи и Црѣюградоу за неслоухание ихъ а моужи свои посажа по городомъ ихъ мы же на преднее възвратимса» [19, стб. 303—304]. В качестве наказания киевский князь лишает Рогволодовичей прав на власть в Полоцкой земле, выслав практически весь княжеский род в Византию и установив в городах Полоцкой земли власть своих наместников, что, по мнению А. С. Щавелева, являлось формой, эквивалентной изгнанию из общего княжеского рода [8, с. 60—61].

Таким образом, исходя из анализа причин, особенностей протекания и способов разрешения конфликтов между полоцкими и киевскими правителями, приходится констатировать, что политическая организация древнерусских земель в XI—XII вв. держалась на личных связях между князьями.

Во многих случаях между конфликтующими сторонами осуществлялись попытки заключения договоров (1021, 1067, 1069, 1116, 1127/28 гг.). Как минимум в двух случаях для разрешения конфликта использовалась роль посредника (1021 и 1069 гг.). Заключение договоров предусматривало выполнение определённых обязательств обеих сторон (или одной из сторон). Невыполнение условий договора приводило к возобновлению конфликта и его разрешению насильственным путём с последующим применением наказания к побеждённому.

Рогволод был единственным полоцким правителем, который был убит в ходе межкняжеского противостояния. В XI в. установка на запрет убийства в княжеской династии требовала более гуманных методов устранения политических противников. В XI—XII вв. к проигравшей стороне (полоцким князьям) применялись наказания в виде лишения власти, а именно пленения (Всеслав Брячиславич в 1067 г. и Глеб Всеславич в 1119 г.) и высылки в Византию (Всеславичи в 1129/30 гг.).

При мирном разрешении конфликтов используются определённые ритуализированные действия. В ходе переговоров между Всеславом Брячиславичем и Изяславом Ярославичем в 1067 г., а также после окончания похода на Полоцкое княжество Мстислава Владимировича 1127/28 гг. контрагенты проходили через ритуал крестоцелования, который был призван обеспечить законность заключения соглашения. В 1116 г., при договорённости Глеба Всеславича и Владимира Мономаха, происходит процедура, по своим символическим действиям напоминающая средневековый ритуал покаяния (*deditio*). Вероятно, подобную процедуру можно наблюдать при повторном занятии киевского стола Изяславом Ярославичем в 1069 г.

Литература и источники

1. *Бессмертный, Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю. Л. Бессмертный // *Одиссей. Человек в истории.* 1995. — М. : Наука, 1995. — С. 4—19.
2. *Althoff, G.* Spielregeln der Politic im Mittelalter : Kommunikation in Frieden ind Fehde / G. Althoff. — Darmstadt : Primus Verlag, 1997. — 360 s.
3. *Груша, А. И.* Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.) / А. И. Груша. — Минск : Беларуская навука, 2015. — 465 с.
4. *Михайлова, Ю. А.* О некоторых направлениях в современной медиевистике и их значимости для изучения Древней Руси / Ю. А. Михайлова // *Средневековая Русь.* Вып. 12. — М. : Индрик, 2016. — С. 63—94.
5. Полное собрание русских летописей : Т. 1 Лаврентьевская летопись. — Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1926—1928. — 379 с.
6. *Горский, А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...» : Личность и ментальность русского средневековья : Очерки / А. А. Горский. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 176 с.
7. *Федотов, Г. П.* Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. — СПб. : Акация, 1998. — 245 с.
8. *Щавелев, А. С.* Формы мести и наказания в междукняжеских отношениях Рюриковичей / А. С. Щавелев // *Средневековая Русь.* Вып. 8. — М. : Индрик, 2009. — С. 52—63.
9. *Рукавишников, А. В.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию : свидетельства источников / А. В. Рукавишников // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* — 2003. — № 2 (12). — С. 99—111.
10. Полное собрание русских летописей : Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. — Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1856. — 346 с.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / под. ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том V : Древнескандинавские источники. — М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 512 с.
12. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. — М. : Наука, 1987. — 209 с.
13. *Мельникова, Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого / Е. А. Мельникова // *Восточная Европа в древности и средневековье.* — М., 1978. — С. 289—295.
14. *Althoff, G.* Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German Perspective / G. Althoff. — Leiden—Boston : Brill., 2019. — 282 p.
15. *Стефанович, П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси / П. С. Стефанович // *Средневековая Русь.* Вып. 5. — М. : Индрик, 2004. — С. 86—113.
16. *Толочко, А. П.* Князь в Древней Руси : власть, собственность, идеология / А. П. Толочко. — Киев : Наук. думка, 1992. — 224 с.
17. *Рычка В.* Крест Чародея Три Софии Всеслава Полоцкого : взгляд из Киева / В. Рычка // *Родина.* — 2007. — № 6. — С. 68—72.
18. *Стефанович, П. С.* Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X—XII вв. / П. С. Стефанович // *Отечественная история.* — 2004. — № 1 — С. 3—18.
19. Полное собрание русских летописей : Т. 2 Ипатьевская летопись. — СПб. : Типография М. А. Александрова, 1908. — 638 с.

20. Бойцов, М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 550 с. : 112 ил.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1950. — 576 с., ил.
22. Новікаў, Я. У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Том. 2 / Я. У. Новікаў. — Мінск : Логвінаў, 2008. — 300 с.
23. Zupka, D. Rituály a symbolická komunikácia v stredovekej strednej Európe (Arpádovské Uhorsko 1000—1301) / D. Zupka. — Prešov : Acta historica Posoniensia XVII, 2011. — 196 s.
24. Гісторыя Беларусі : У 6 т. Т. 1 Старажытная Беларусь : Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал : М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск : Экаперспектыва, 2000 — 351 с. ; іл.
25. Koziol, G. Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France / G. Koziol. — Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1992. — 488 p.
26. Reuter, T. Unruhestiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand : Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit // Die Salier und das Reich. Bd. 3. — Sigmaringen, 1991. — S. 297—325.
27. Бережков, Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. — М. : Академия наук СССР, 1963. — 376 с.
28. Довнар-Запольский, М. В. Очерк истории Кривической и Дреговической Земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : Типогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К в Москве. Киев. отд-ние, 1891. — 178 с.
29. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1982. — 590 с.
30. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. / Л. В. Алексеев. — М. : Наука, 1966. — 296 с., ил.

Y. N. Kezha. CONFLICTS BETWEEN THE PRINCES OF POLOTSK AND KIEV AND WAYS TO RESOLVE THEM (980 — 1129/30)

In the analysis of ancient Rus chronicle narratives of the 11th-12th centuries rather frequent conflicts and generally hostile attitude between the princes of Polotsk and the rulers of the Rurik dynasty attract attention. The article deals with the main episodes of this confrontation: the conflict between the prince of Polotsk Rogvolod (his daughter Rogneda) and Vladimir Svyatoslavich; conflict between Bryachislav Izyaslavich and Prince Yaroslav Vladimirovich of Kyiv; wars between Vseslav of Polotsk and the sons of Yaroslav; the conflict between Prince Gleb Vseslavich of Mensk and Prince Vladimir Monomakh of Kyiv; military campaigns of Mstislav Vladimirovich to the Principality of Polotsk.

Analyzing chronicle plots about conflicts between representatives of the Polotsk Rogvolodovich dynasty and Kyiv princes Rurikovich, one can trace a certain modality of the political behavior of the ancient Russian princes, as well as ways to manage and resolve inter-princely contradictions.

Keywords: Ancient Rus, Rurikovich, Polotsk princes, princely conflicts.